

Как только Цуй Мин-дэ удалилась, следом попрощалась и Дугу Шао, но шаги её были медленными, словно она что-то недоговорила. Выйдя во двор, она обернулась и взглянула на нас. Заметив это, я перевела взгляд на А-Хуань — мы обменялись улыбками и вместе направились обратно.

Авторское примечание:

Ваньэр никогда не чувствовала себя так униженно. Ей казалось, что из-за каждой колонны, из каждого тёмного угла на неё устремлены пристальные взгляды. Одни скользили по её груди, другие — по спине, третьи — ниже пояса, а иные будто выискивали что-то на её руках. Хотя ночь была глубокой, а в зале ни души, она ощущала себя обнажённой под палящим солнцем, на виду у бесчисленной толпы.

Тело её неудержимо дрожало, словно она перешла из одного кошмара в другой, ещё более чудовищный.

У-хоу, облачённая в парадные одежды, сидела на краю ложа. Толстые свечи, толщиной с руку взрослого человека, заливали зал ослепительным светом. В этом белом, почти призрачном сиянии, У-хоу казалась божеством, источающим собственное сияние. Для Ваньэр она и была божеством — существом, от одного слова которого зависели её жизнь, смерть, позор и милость.

— Подойди, — высокомерно повелела та, и этот голос прозвучал для Ваньэр весомее любых императорских указов.

Ваньэр осторожно поползла к ней на коленях. С каждым движением ей казалось, что незримые взгляды, давившие на неё, отступают, будто и эти призрачные наблюдатели трепетали перед величием У-хоу.

Когда Ваньэр оказалась у её ног, все взгляды исчезли. Померк даже свет свечей, словно У-хоу стала единственным источником света во всём мире. Сердце Ваньэр странно успокоилось. Она опустила на колени перед госпожой, позволив той взять себя за подбородок и приподнять голову.

Взгляд У-хоу был не таким, каким смотрят на человека. Скорее, она разглядывала Ваньэр, как разглядывают скот — кошку, собаку или лошадь. Она даже грубо разжала Ваньэр челюсти, внимательно осмотрев зубы.

Слуги У-хоу тщательно следили за гигиеной, и Ваньэр тоже чистила зубы утром, после еды и перед сном. Она знала, что зубы у неё ровные и белые, каждый — будто отборная жемчужина. Сегодня, всего полчаса назад, она даже разжевала ароматную лепёшку с цветами сливы, чтобы прогнать ночную дремоту.

Эти белые, благоухающие зубы, видимо, пришлись Императрице по душе. Но это удовлетворение лишь усилило унижение Ваньэр. Её тело уже дрожало, а теперь затряслось с новой силой. Она попыталась сжать руки в кулаки, чтобы обрести хоть какую-то опору, но поняла, что от страха не может даже сомкнуть пальцы.

Ваньэр с отчаянием смотрела на У-хоу, безвольно кивая, когда та спрашивала о свитке, и безвольно наблюдая, как на лице госпожи появляется довольная улыбка, а губы произносят приказ: «Останься на коленях. Используй рот». Всё это было сказано так же спокойно, как если бы У-хоу просто велела подать чай.

Кошмар стал явью. Хотя детали отличались от сновидений, суть оставалась прежней.

Только на этот раз не было ни деда, ни отца, которые могли бы её спасти. Ванъэр могла лишь дрожащей рукой приподнять полы одеяния У-хоу.

На ней были повседневные одеяния императора, и, сидя с прямой спиной, она ничем не отличалась от прежних владык, восседавших на троне. На миг Ванъэр почувствовала, что служит не женщине, не вдовствующей императрице, а подлинному Сыну Неба. Но вскоре её пальцы наткнулись на искомое, и она с жестокой ясностью осознала, кому на самом деле служит.

В душе Ванъэр шевельнулось странное чувство. Унижение никуда не делось, но к нему примешалась какая-то иная, смутная эмоция. Окажись перед ней не У-хоу, а мужчина... или будь У-хоу мужчиной, законным императором из рода Ли, — было бы всё иначе? Ведь она, Ванъэр, была утверждённой в ранге цайжэнь, законной наложницей императора. Её долгом как раз и было служить повелителю.

Мысль о таком предательстве памяти предков и попрании стыда заставила её сгореть от стыда. Подавив хаос в душе, она поспешно воскресила в памяти образы с того свитка и робко склонила голову к лону У-хоу.

Императрица тоже была лишь смертной. От прикосновений её тело слегка вздрагивало. От неё исходил густой, насыщенный аромат — тот самый запах знати, что годами пропитывает одежду и кожу. Но у У-хоу он был особенно ярок, словно даже благовония обладали сознанием и знали, кому следует быть пышнее.

На языке Ванъэр возник лёгкий солоноватый привкус. Она ожидала, что он вызовет отвращение, но, ощутив его на деле, обнаружила, что он не только не противен, но и пробуждает в ней какую-то тёмную, непонятную жажду.

Её правая рука невольно двинулась и коснулась ноги У-хоу.

У-хоу была уже не молода. Сколько ни скрывай, годы берут своё. Ванъэр, касаясь собственного тела, знала, что молодая кожа упруга и гладка, мгновенно возвращая форму после нажатия. Тело же У-хоу обрело мягкость, присущую зрелости, — стоило сжать, и под пальцами оказывалась податливая плоть, кожа уже не лоснилась былой упругостью, мышцы не были столь крепки. Лишь у самого корня бедра, в жилах, пульсировала и клочкотала неукротимая сила — явное свидетельство нестареющих, яростных амбиций этой женщины.

Ванъэр невольно сглотнула и тут же осознала, что проглотила не только слюну. До этого её обуревали лишь страх и трепет, и она даже забыла покраснеть от стыда. Теперь же, будто очнувшись, она ощутила, как жар волной накатывает на неё с головы до пят.

Она поспешно собралась с мыслями, неумело и торопливо продолжая дело, весь внимая малейшей реакции У-хоу. Но та не издала ни звука.

В зале их было двое, и всё же казалось, что здесь лишь одна Ванъэр.

И хотя полы одеяния У-хоу временно скрывали её лицо от мира, Ванъэр чувствовала, будто вокруг собралось ещё больше людей. Все они смотрели на неё, смеялись над ней — и её покойные дед с отцом, и живая ещё мать.

Ванъэр вздрогнула, вырвавшись из кошмара, и услышала, как У-хоу тихо крикнула, отпихнув её ногой. Начинаясь рассвет. За дверью постучали, напоминая цайжэнь Шангуань, что пора будить Императрицу.

Ваньэр взглянула на У-хоу. Та, несмотря на бессонную ночь, выглядела свежо и бодро, а глаза её горели особым, пронзительным блеском. Ваньэр вспомнила о матери, сжала руки и вновь опустилась на колени, прошептав:

— Позвольте мне... помочь Вашему Величеству очиститься.

Она подползла ближе, робко протянув руку к подолу одеяний У-хоу, но та отстранила её, поднялась с ложа и, глядя сверху вниз со сложным выражением, произнесла:

— Преданность Ван-цин мне теперь ясна. Час утреннего приёма близок, не будем мешкать — одевайся.

Ваньэр ударила лбом об пол, с трудом поднялась, пошатываясь, и, едва обретя равновесие, поспешила к У-хоу, чтобы помочь ей облачиться.

У-хоу пристально смотрела на неё, широко раскинув руки, и позволила снять верхнее платье, прежде чем спросить:

— А сама ты разве не оденешься?

Ваньэр опустила голову:

— Без Вашего приказа не смею.

Прошло долгое время, прежде чем У-хоу отозвалась.

Ваньэр молча ждала, пока за дверью не постучали вновь. И тогда Императрица наконец тихо рассмеялась, отчеканивая каждое слово:

— Шангуань Ваньэр.

Она схватила Ваньэр за руку, и большой палец её лёг точно на клеймо служанки. Ваньэр, заметив это краем глаза, невольно сжала губы и попыталась упасть на колени, но У-хоу крепко держала её руку, не позволяя поклониться. Ваньэр лишь прошептала:

— Готова внимать Вашим указаниям.

У-хоу долго смотрела на неё, а затем тихо усмехнулась:

— Сегодня ты снова будешь дежурить ночью.

В Ваньэр ёкнуло сердце. Она стиснула зубы, опустила голову и ответила:

— Слушаюсь.

Авторское примечание:

Ваньэр: Я не сдамся так легко.

Цзэтянь: Хах.

Эта девочка доставила ей удовольствие.

Или, возможно, она просто слишком долго была лишена его.

Если бы Покойный Император не был императором, она бы никогда не полюбила его так.

Она слегка опустила веки, глядя сверху на Ваньэр, суесящуюся у её ног, и вдруг почувствовала лёгкое, ничем не обоснованное раздражение. Она резко дёрнула ногой, сбив девочку с толку, и с удовлетворением отметила, как на том юном лице смешались растерянность и страх.

<http://bllate.org/book/16278/1467053>